

296

НАУКА ДЛЯ ВСЕХ

- 10 -

20.

ВЛ. ЛЬВОВ

7.145.8.30/10a

17.145.8.30-10

САМОЕДЫ

ОЧЕРК

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ

—

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ПЕТРОГРАД

547
34

222

V. 4—VII—23 г.

Гиз. № 5270

Гублит № 115

Тираж 7000 экз.

Типография Ив.-Вознесенского Губсоюза Потр.Общ. в Кинешме.

САМОЕДЫ*).

I.

Холодна, уныла и однообразна страна, где живут самоеды... Долго-долго, целых девять месяцев, стоит там зима, и притом зима суровая, с такими страшными морозами, о каких мы даже понятия не имеем. Глубокий снег покрывает тогда землю, и везде, куда ни взглянешь, виднеется белая, гладкая равнина, широкая, точно нет ей конца. И тянется эта равнина верст на тысячу с запада на восток и верст на пятьсот с юга на север.

Весной, когда солнце начнет пригревать землю, весь снег быстро растаивает. Точно

*) Название „самоеды“, древнее „самоядь“, происходит не от русского слова „самоедение“, т.-е. людоедство, а по всей вероятности от „Самееднам“—название, которое дают своей стране лопари, жившие прежде несколько восточнее, чем теперь.

земля перед этим была покрыта белой, гладкой скатертью, и кто-то сразу взял да сдернул ее. Исчез снег, и точно каким-то волшебством земля быстро принимает совсем другой вид. Кругом—все та же равнина. Но теперь среди нее виднеются кое-где и небольшие холмы и впадины, которых раньше не заметно было под снегом. На огромные пространства земля покрыта то зеленым мохом, то белым лишайником, то пестрыми коврами цветов. Местами попадает мелкий кустарник, небольшие березки, ива, можжевельник. Но крупных деревьев среди них не видно. Лишь по берегам рек, да на некоторых возвышенных местах растут небольшие лесочки. Все остальное пространство совсем безлесно. Среди зелени всюду виднеются, точно темные пятна, открытые болота, источники и маленькие озерца. Иногда сплошь на много верст идут моховые болота. Попадает много речек, рек и множество больших озер.

Такова страна, населенная самоедами, или так называемая тундра, занимающая всю северо-восточную окраину Архангельской губ.

Но что же это за народ, способный жить в тундре? Как сумел он устроить тут свою

Семья самоедов.

жизнь? И какова его жизнь, какие радости и выгоды приносит она самоеду, что он так сжился и не расстается с этой холодной пустыней?

Среди тундры можно иногда заметить один или несколько круглых шалашей. Над верхушкой каждого из них вьется дымок. Возле стоят сани, а несколько дальше пасутся кругом олени. Вот и все, что имеет самоед. Круглый шалаш—это его жилище. Олени—его домашние животные, которые заменяют ему лошадь и корову, и в которых заключается все его богатство. А вот и сам самоед. Если теперь зима, его сразу выдает его особенная странная одежда, вся сшитая из оленьих шкур, мехом наружу. Летом самоед одет совершенно так же, как одевается русский крестьянин: на нем такая же ситцевая рубашка и ситцевые штаны. Но стоит взглянуть на его лицо и на его фигуру, чтобы сразу признать, что перед нами не русский, а человек иного племени.

Небольшого роста, с смуглым, желтым, старообразным лицом, с маленькими и узкими глазами, с черными жесткими волосами и

реденькой щетинистой бородкой, самоед похож на какое-то страшилище, в особенности зимой, когда весь он с головы до ног закутан в звериные шкуры. Но нужно познакомиться с ним поближе, чтобы увидеть, сколько в этом дикаре добродушия, которое проглядывает сквозь его наружные грубые черты.

Самоедка зимой одета в такую же меховую одежду, как и ее муж. Только ее одежда не так мешковата и наряднее сшита. Самоедка нашивает на нее красивые узоры из белых и черных оленьих лапок, из разноцветных суконных лоскутков и украшает ее еще маленькими погремушками и бусами. И чем пестрее выходит ее наряд, тем он красивее и лучше. Летом многие самоедки носят русские сарафаны. Волосы они заплетают по русски в две косы, к которым привешивают красные и желтые лоскутки или ленты. В ушах носят серьги, на шее бусы. Вообще самоедки как и все женщины, любят принарядиться.

Самоеды народ кочевой. Они не живут постоянно на одном месте, а всю жизнь кочуют по тундре, т.-е. переезжают с

одного места на другое. Занимаются они рыболовством, охотой на зверей и птиц, но главное занятие их оленеводство.

В тундре водится особенная порода оленей, которые только и встречаются в холодных северных странах и называются поэтому северными оленями. Они бывают домашние и дикие. За дикими оленями самоеды иногда охотятся ради их мяса. Домашние же олени составляют главный источник существования самоеда. В них все его богатство, — весь интерес его особенной кочевой жизни. Не будь оленей, тогда самоеды и вовсе не могли бы существовать в тундре. Олени доставляют самоедам все самое необходимое для их жизни. Из оленьих шкур самоедка шьет малицу, длинную одежду, имеющую форму мешка с рукавами и надеваемую шерстью к телу, и совик такого же точно покроя, но надеваемый поверх малицы и притом шерстью наружу. Из шкуры же оленей она сшивает самоедские сапоги — пимы, обшивая их для украшения разноцветными суконными лоскутами. Шьет она вместо ниток крепкими волокнами из сухожилий оленя. Оленьи шкуры служат и постелями; ими же покрывают

самоеды свое зимнее жилище. Из оленьих рогов делают кольца и вставки для оленьей упряжи. Мясо оленьё составляет любимое кушанье самоеда. Наконец, на оленях же самоед ездит по тундре, запрягая их летом, как и зимою, в одни и те же высокие сани, называемые нартами.

Олень для самоеда то же, что верблюд для жителя песчаной пустыни. Ездить по тундре можно только на оленях. Ни какое другое животное не в состоянии пройти там, где проходит олень. Ему не нужно дороги; он идет прямо не только по равнине, покрытой мохом или лишайником. Он пробирается и через густые заросли ивняка, подгибая его под себя и перетаскивая через него высокие самоедские сани. Он идет без дороги и по лесу, по аршинным кочкам и буграм; идет по мокрым болотам, постоянно проваливаясь в них и перебираясь вплавь на более сухое место, и при этом тащит за собой нагруженные сани.

У большинства самоедов оленей немного, штук по 30—50. Кто побогаче, тот держит сотню, две и даже несколько сотен. Встречаются и такие богачи, которые имеют по 1000

и по 2000 оленей. Наконец, еще недавно называли одного самоеда, который насчитывал в своих стадах около 6000 оленей.

Домашний олень легко может сделаться совсем ручным, до того, что подходит прямо к жилью самоеда и берет из его рук корм. Но обыкновенно олени только привыкают к человеку, а не приручаются вполне, как у нас коровы или лошади. В большинстве случаев олени, хотя и пасутся возле жилья самоеда, но не подпускают его к себе, даже если поднести им любимое их лакомство— грибы. Чтобы поймать одного оленя из стада, ему на ветвистые рога набрасывают аркан. Только тогда можно взять его за рога руками и вести куда надо. Когда же требуется поймать несколько оленей для запряжки, самоеды устраивают круг из саней и веревок и, бегая за оленями и махая палками, стараются загнать в этот круг возовых оленей. В этом им помогают их умные и приученные собаки.

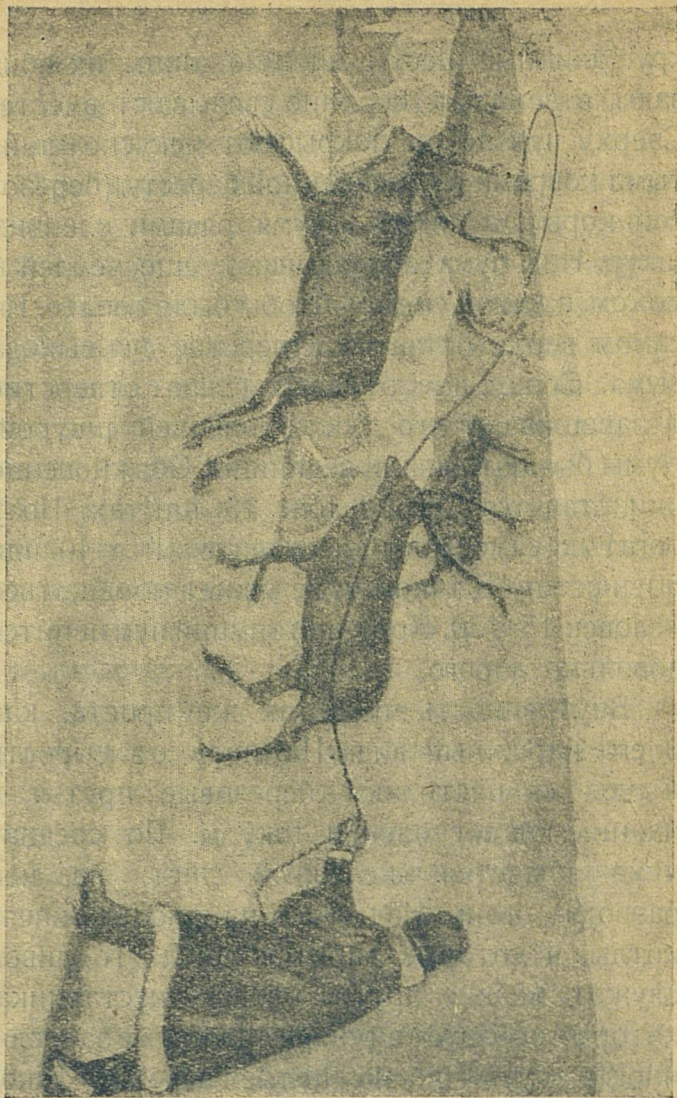
II.

Жилище самоедов называется чумом. Он устраивается в роде шалаша. Ставят в

круг длинные шесты, нижние концы их вбивают в землю, а верхние связывают вместе. Сверху чум летом покрывают искусно сшитыми коврами из вываренной бересты (березовой коры), а зимой—двумя рядами оленьих шкур. Низ чума обкладывают еще землей и мохом, а зимой снегом, чтобы было теплее. На самом верху остается отверстие для выхода дыма. Сбоку, вместо двери, делают отверстие и завешивают его также оленьей шкурой. Чумы бывают разной величины. Обыкновенно они ставятся на 20 или 25 шестах. Но у богатых самоедов чум ставится и в 40 или 50 шестов. В таком чуме может помещаться человек 15—20. Хороший зимний чум ценится довольно дорого.

Внутренность чума так же проста, как и его наружный вид. На полу от сырости и холода настилают березовые прутья, а на них кладут оленьи шкуры. По середине чума кладется железный лист; на нем разводят огонь. Над огнем на крючьях висят котлы, в которых варится пища. Топливом служат мелкие прутья ивового кустарника, который образует в тундре сплошные заросли, иногда чуть не на целые версты. Такое

Самоед набрасывающий аркан на рога оленя.

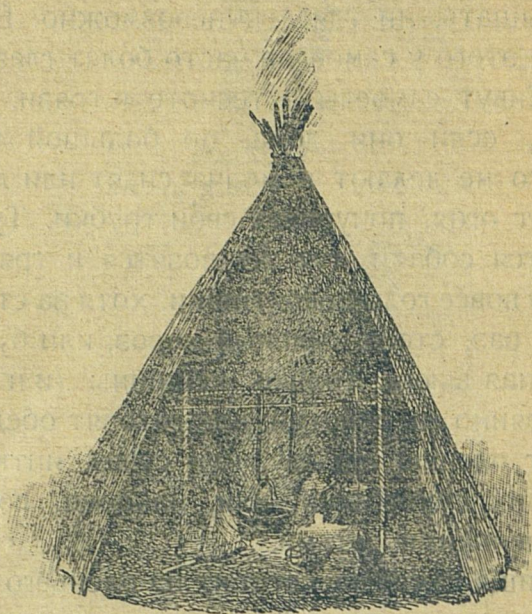

топливо, конечно, больше дымит, чем греет. По всему чуму постоянно стоит дым и ест глаза. Дунет ветер сверху, и чум до того наполнится дымом, что непривычному человеку ни дышать, ни глядеть невозможно. Вследствие этого у самоедов часто болят глаза.

Живут самоеды в тесноте и грязи. Мужчины, если они дома, по большей части ничего не делают и молча сидят или лежат вокруг огня, покуривая свои трубки. Тут же греются собаки, тут же возятся и грязные, часто вовсе голые ребятишки, хотя за стеной, иной раз, стоит сильный мороз, или бушует снежная выюга. Только женщины (и н ь к и) постоянно за работой: или готовят обед, или шьют оленью одежду, или сучат нитки из оленьих сухожилий, или, наконец, возятся с маленькими детьми.

Пища самоедов состоит из оленьего мяса, рыбы, диких птиц. Летом они едят разные ягоды, которых множество растет в тундре: бруснику, голубику, черную вороницу и желтую морошку, очень вкусную и любимую на севере ягоду. Мясо едят чуть обжаренное, а иногда и совсем сырое и мерзлое. Особенно любят они сырое, еще дымящееся мясо и

теплую кровь только что убитого оленя. Надо заметить, что то и другое спасает самоедов от цынги, страшной болезни

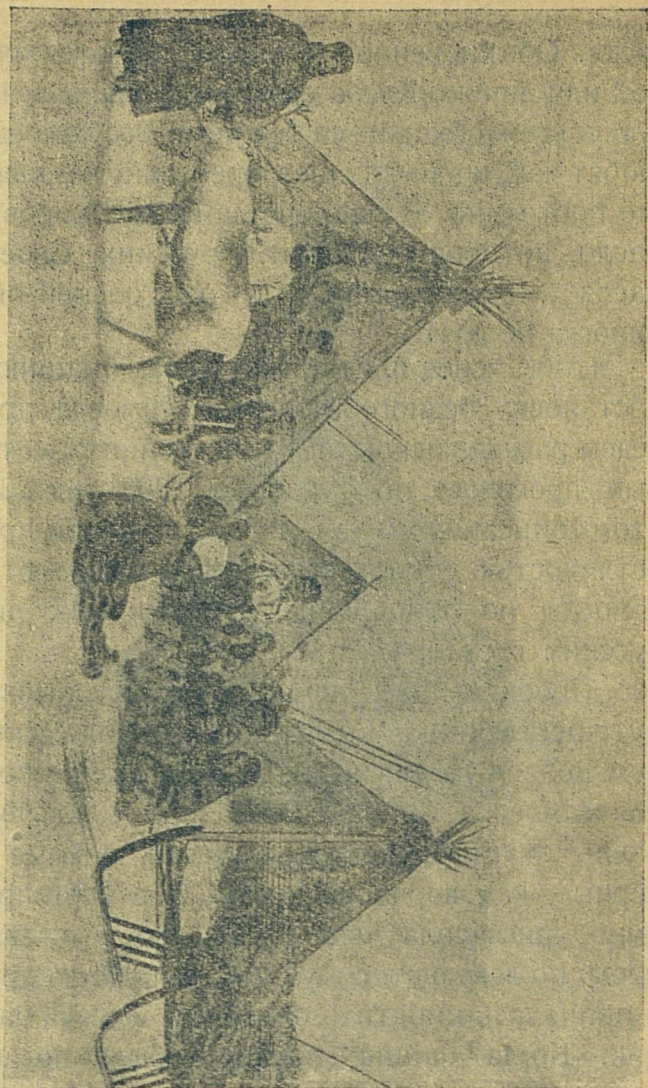
Внутренность чума.

севера. Другим лекарством от цынги служит им морошка. Впрочем оленину самоеды едят не особенно часто, а только при торжественных случаях, напр., когда хотят угостить

гостя. Обыкновенно же довольствуются рыбой или дичью. Хлеба едят очень мало и могут совсем обходиться без него. Все самоеды любят чай, и в настоящее время многие пьют его постоянно. В чай иногда кладут коровье масло, которое покупают у русских. Своего масла у них не бывает, так как оленей они никогда не доят.

Чтобы яснее представить себе домашнюю обстановку бедного и богатого самоеда, приведем рассказ одного путешественника, который проезжал по тундре в 1898 году. Из этого описания мы увидим также, какой приветливостью и гостеприимством отличаются самоеды по отношению к заезжим к ним русским гостям.

„Проехав еще немного, — рассказывает путешественник, — мы увидели самоедский чум. Возле чума нас встретила высокая, стройная самоедка Иринья. Цвет лица у нее был очень смуглый, волосы длинные, прямые и черные, как вороново крыло. Она гостеприимно пригласила меня в свой чум и указала место по левую сторону огня. Натаскала дров и принялась кипятить огромный медный чайник. Когда чайник вскипел, была подана

Самоеды возле своих чумов.

внушительных размеров деревянная чашка-оленьего мерзлого — мяса „обурдать“, т.-е. есть сырым. Я стал есть, запивая горячим чаем, который пахнул больше дымом, чем чаем. Чум был полон дыму и, чтобы не задохнуться, приходилось лежать совсем на земле, подперев голову немного рукою. Стенки чума все были в дырах, вследствие чего ветер гулял здесь почти так же свободно, как и на просторе тундры, и мороз лишь немного был меньше, только когда горел под котлами огонь; в другое время температура была совершенно та же, что и снаружи чума“.

Тот же путешественник далее рассказывает, как он, нуждаясь в оленях для продолжения своего путешествия, отправился разыскивать чумы богатых самоедов, у которых были огромные стада оленей.

„Мы попали в чум самоеда Сяско. Этот самоед богат, владеет стадом в 2500—3000 штук оленей. Он принял нас очень ласково. Сейчас же мальчик-работник выбрал сани, которые похуже, и изрубил их на дрова. Потом развел огонь и начал кипятить чайник. Подали чай с полугодовым белым хлебом и

сырое оленьё мясо. Выслушав меня, Сяско сказал, что он охотно дал бы оленей, но дело в том, что „мои олени очень плохи, не тельны и скоро устанут. Мы зимой-то попали на худое место, не было моху, ну, вот они и исхудали“. Посоветовал нам поехать еще дальше, за 40 верст, к самоеду Хааптису, который также имеет до 3000 оленей. „А уж в крайнем случае, если ты не найдешь Хааптиса, приезжай ко мне,—я дам“. До Хааптиса доехать предложил нам своих лучших оленей. Проехав версты три от чума, мы попали в огромное стадо быков-оленей Сяско. Казалось, что этому стаду не будет и конца; уж так оно было велико! Миновав стадо оленей, мы поехали по совершенно ровной тундре... Долго мы ехали, но никакого признака, чтобы когда-либо бывал человек среди этой мертвой пустыни. Мы уже подумывали вернуться назад, но, наконец, заметили редкую кучку оленей. Переехали речку и поднялись на довольно порядочную возвышенность. Отсюда нам показалось огромное стадо оленей Хааптиса. Оно паслось в обширной впадине: вот почему мы так долго и не видали его. Помимо того,

что это, наконец, давало мне возможность приобрести так долго разыскиваемых оленей, картина и сама по себе была своеобразная и красивая. Широкая и волнистая тундра, усеянная темными живыми пятнышками оленей, и безбрежный Ледовитый океан!“

„Пастухи Хааптиса сказали, что чум его не здесь, а вон туда дальше в гору, верст за десять отсюда. Приехали туда мы около трех часов пополудни. Все спали. Работники разбудили хозяйку — жену Хааптиса. Самого его не было. По словам работников, он уехал в тундру за 30 верст, в соседний чум, так как туда приехал торговец водкой.

„Жена Хааптиса оказалась очень чисто-плотная особа и очень внимательная. Видя, что у меня от мороза не попадал зуб на зуб, она пригласила сейчас же в чум. Чум богатого самоеда поражает прежде всего своими огромными размерами: в нем даже, пожалуй, можно прогуливаться. Стенки чума — из новых великолепных шкур в два ряда, и ветер сюда никогда не заглядывает. Когда я пообырдал и напился чаю, подано было вареное оленьё мясо, после чего я лег спать.

Во время моего сна самоедка всех собак до единой приказала отвести на почтенное расстояние от чума и привязать там к вбитым в снег колышкам, чтобы те своим лаем не беспокоили. Пятилетнего ребенка, чтобы тот не лез ко мне привязала на веревку на противоположной стороне чума, а меня накрыла белыми чистыми оленьими шкурами, прикрыв сверху своей „паничей“*). И я так чудно спал, что когда проснулся, часов через 6—7, то чувствовал себя великолепно“**).

На следующий день вернулся сам Хааптис, и путешественник, сговорившись с ним и получив от него оленей, отправился в дальнейший путь.

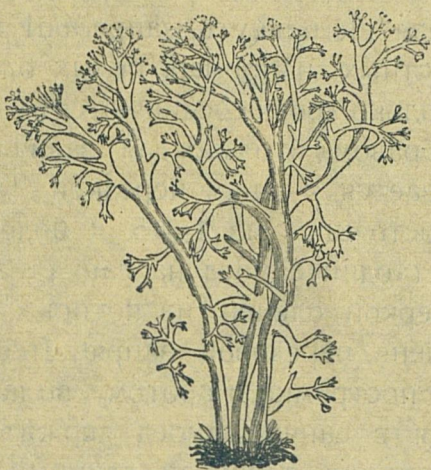
III.

Самоеды живут на одном месте до тех пор, пока по близости есть корм для оленей. За оленями нет никакого ухода; они сами отыскивают себе пищу. Летом они едят

*) Панича—та же малица, только с разрезом спереди и носится женщинами.

**) А. Б о р и с о в. Художественная экскурсия по Большеземельской тундре и на о. Вайгач. „Искусство и художественная промышленность“. 1899 г., № 6.

траву, а зимой разгребают своими широкими копытами снег и достают из-под него лишайник, который не вянет на зиму, как трава. В тундре растет много белого лишайника, называемого ягелем, или оленьим мохом. Его очень любят олени, и он составляет их главную пищу в продолжение всей зимы.

Ягель, или олений мох.

Животные объедают верхнюю пушистую часть ягеля и все больше и больше удаляются от чума. Зайдут они далеко, значит пора переезжать на другое место. Иначе не

усмотришь за оленями и не увидишь, как кого-нибудь из них зарежет волк.

И вот начинаются приготовления к перекочевке. Женщины быстро разбирают на части чум и складывают все добро в сани. Мужчины при помощи собак сгоняют стадо к месту чума, ловят вожовых оленей и запрягают их в сани, чаще всего тройкой. А богатые, желая щегольнуть, запрягают четверку одношерстных, например, белых оленей.

Несколько троек соединяются в один поезд таким образом, что каждая задняя тройка привязывается к саням передней. Таким поездом, состоящим из 4—5 и более троек, управляет один самоед на санях, запряженных пятеркой оленей, из которых крайний левый олень, передовой, запрягается в более длинные постромки и поэтому выдается вперед. Сидя в санях, самоед держит в левой руке вожжу, а в правой длинный, сажени в полторы, шест—харе́й, которым подгоняет ленивых. Передовой олень прекрасно подчиняется управлению одной только вожжей и ведет других оленей.

Длинным караваном тянется по тундре самоедская семья и ее стадо. Дорог в тундре

Перекочевка самоедов.

не существует. Но, кочуя по ней всю жизнь, самоед прекрасно знает ее, знает в ней каждое возвышенье, каждое болото, каждую речку. Если он давно где-нибудь не бывал, то, чтобы определить местность, он изредка становится на свои сани, с минуту всматривается в даль, приложив к глазам ладонь козырьком, и после этого безошибочно едет вперед. Уже издали он сумеет выбрать место, где удобнее поставить чум, где ближе вода и где больше корму для оленей.

Приехав на новое место, самоеды очень скоро устраиваются на нем. Женщины тотчас принимаются за работу и в какие-нибудь полчаса уже успевают поставить чум. Олени разбредутся кругом — и опять начинается для самоедов прежняя жизнь. Обыкновенно несколько самоедов соединяют вместе свои стада. Они ставят рядом свои чумы и вместе перекочевывают по тундре, при чем общее стадо всех хозяев доходит до тысячи голов. Богатые пасут свои стада отдельно и нанимают работников.

Трудное время наступает для самоедов весной, когда телятся оленицы. Самоеды пасут отдельно маток с телятами и внимательно

ухаживают за ними. Интересную картину представляет оленье стадо с маленькими пыжиками, которые весело бегают вокруг своих матерей и спокойно щиплют олений мох и едва только показавшуюся травку. Но маленькие оленятки очень чувствительны к холоду, и несмотря на уход, масса их постоянно гибнет от морозов.

Летом самоеды страдают от оводов и комаров, которые тучами носятся в воздухе, преследуя и людей и оленей. В теплые июльские дни комаров бывает такая масса, что кажется, будто какой-то пар поднимается над землей. Чтобы защитить себя от их укусов, самоеды-пастухи надевают на голову сетки „накомарники“, без которых прямо нет возможности пасти оленей. В это жаркое время олени способны работать только ночью. Днем они не принимают даже пищи и спасаются от комаров в дыму костров, „дымокуров“, которые нарочно для этой цели раскладываются самоедами. Бедные животные до того тощат и ослабевают, что тройка оленей летом едва может поднять пудов восемь клад. Время это опасно еще в другом отношении: летом на оленях бывают болезни,

Особенно страшна сибирская язва, так как она очень заразительна и уничтожает целые стада. К счастью, такие годы не очень часты, но зато в такой год вся тундра бывает по-

Оленья запряжка.

крыта трупами несчастных оленей, и многие самоеды, раньше богатые оленями, теряют все свои стада и становятся нищими.

Зимой, когда так тяжело приходится от страшных метелей и морозов, некоторые

самоеды уходят со своими стадами в лесную полосу, где ветры не так опасны и где легче добывать топливо. Напротив, летом, когда появляется несметное множество комаров, оводов и слепней, они выбирают в открытую тундру, где частые ветры несколько ослабляют мучение от этих насекомых. Но такие большие передвижения могут делать только богатые самоеды с огромными стадами, в которых олени держатся дружнее и не так легко разбегаются от преследующих их насекомых и хищных зверей. Теперь, когда самоеды сильно обеднели, большинство из них уже не делают таких больших перекочков. Одни из них остаются круглый год в открытой тундре, перекочевывая по временам к берегам океана, где они занимаются морскими промыслами. Другие держатся ближе к лесной полосе и занимаются рыбной ловлей в реках и озерах, спасаясь от насекомых в дыму костров.

Кроме оленеводства и рыбной ловли, самоеды занимаются также охотой. Зимой в тундре охотятся на различных пушных зверей: лисиц, песцов, горностаев, а также на белых куропаток. Летом к многочисленным

озерам и речкам тундры прилетает множество всякой водяной птицы: гуси, лебеди, утки, чайки. За всеми этими животными и птицами и охотятся самоеды. Все они отличные стрелки, хотя до сих пор у них в употреблении грубые железные ружья, которые делают местные русские кузнецы. Любимая охота их—на дикого оленя, „дикаря“, к которому самоед осторожно подкрадывается на лыжах, одетый в белое и защищенный белым щитом от глаз чуткого животного. В птицу не стреляют на лету, а ждут, когда она сядет. Некоторые самоеды прикочевывают к берегам Ледовитого океана и тут охотятся на морских зверей: моржей, тюленей, а также на белых медведей (ошкуев), которые водятся и на самом берегу и встречаются часто на плавающих льдинах, довольно далеко от берега.

IV.

По рассказам путешественников, самоеды отличаются многими симпатичными чертами. Постоянное добродушие и готовность услужить чем-нибудь ближнему, а также честность и верность раз данному слову—составляют всеми признанные их качества. Часто

упрекают самоедов за их слабость к водке и за грубое отношение к женщинам. Женщина в самоедской семье занимает будто бы приниженное положение. На ней лежит вся домашняя работа, а между тем муж обращается с ней грубо. Женщины будто бы не смеют садиться за обед вместе с мужчинами и едят после них объедки. Но подобные рассказы о самоедах отчасти преувеличены; отчасти же то же самое встречается и у всех вообще людей, стоящих на низкой ступени развития, даже у живущих в несравненно более благоприятных условиях, чем самоеды.

Напротив, некоторые путешественники указывают на замечательную мягкость и добродушие самоедов в семье. Они будто бы очень ласковы к детям и никогда не позволяют себе их бить. Мальчику, когда он несколько подрастет, дают в руки небольшой арканчик, на котором он приучается ловить оленей, забрасывая его на собак или молодых телят-оленей. Девочку же приучают трепать оленьи сухожилия и скручивать из них нити. С малых лет она уже научается шить, сшивая из обрезков мехов или из разноцветного сукна наряды

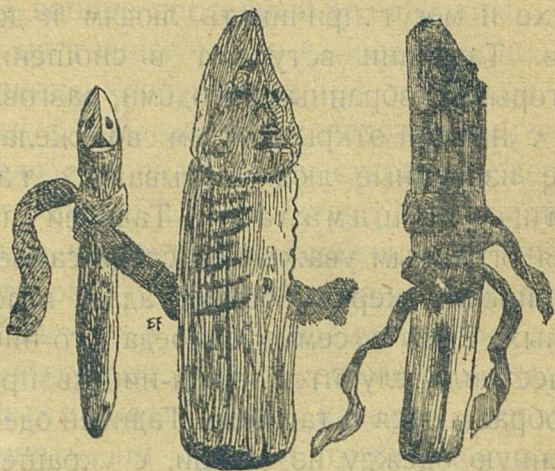
для своих кукол. Случается, хотя пока и довольно редко, что самоедские дети попадают в школы и учатся здесь нисколько не хуже русских, доказывая тем, что они народ вполне способный к развитию.

В настоящее время самоеды официально считаются христианами; но на самом деле вместе с христианскими верованиями у них уцелело еще очень много старинных верований и обрядов. Они почитают бога христианского, а из святых в особенности Николая Чудотворца, признавая их за начало светлое и доброе; но в то же время они не могут отрешиться от своих прежних божеств, в которых видят злое начало, способное причинять им вред и требующее жертв. Собственно самоедские верования заключаются вкратце в следующем.

Существует высшее божество—Нум, которое обитает на небе и которым создано все в мире. За хорошую жизнь Нум дарует человеку и оленей и лисиц, и всякого рода богатство, и удачу, а за дурную—делает его бедным и несчастливым. Самоеды не делают изображений Нума на том основании, что никто никогда не видал его. Кроме

Нума, есть еще злое божество,—дьявол—
Аа, которого надо умилоствовать жертвами.
Затем следуют низшие божества, или духи—
Тадебции, которые живут на земле и в
воздухе и могут причинять людям и добро
и зло. Тадебции вступают в сношения с
некоторыми избранными людьми, разговари-
вают с ними и открывают им свои желания.
Такие избранные люди называются тади-
беями, или шаманами. Тадибей поль-
зуется огромным уважением среди самоедов.
Он приносит жертвы богам, гадает и лечит
больных. Если в семье самоеда кто-нибудь
заболеет или случится какая-нибудь пропа-
жа, обращаются к тадибею. Тадибей одевает
особенную одежду из замши, с украшения-
ми из красного сукна и с металлическими
привесками, и отправляется в чум пригласив-
шего его, чтобы излечить больного или
узнать, кто украл у самоеда оленя. В одной
руке у него бубен из оленьей кожи, в
другой палочка, которой он ударяет по
бубну. Прежде чем приступить к самой
церемонии, тадибей подогревает бубен на
огне, отчего кожа сильнее натягивается и
звучит более резко. Сначала тихо, а потом

все громче и громче ударяет он по бубну и сам пляшет и напевает протяжно, пока не придет в исступленное состояние. Тогда он начинает вслух разговор, как-будто бы к нему

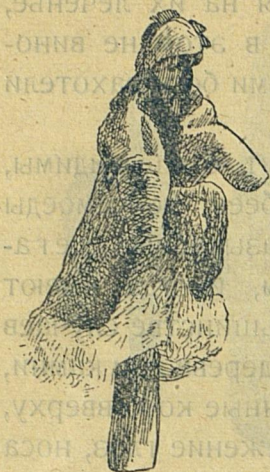
Самоедские идолы.

явились боги. А потом, придя в себя, говорит, что боги открыли ему и что следует сделать, чтобы больной выздоровел. Обычно боги требуют себе какой-либо жертвы, при чем если она предназначена самому Нуму, то приносится в жертву белый олень, а другим богам достаточно бывает пожертвовать собаку. Животное, приносимое в жертву,

удавливают или закалывают; отрубленную голову вешают на кол, а остальное мясо тут же съедается сырым. Вера в тадибеев настолько сильна, что самоеды не обвиняют их, если больной, несмотря на их лечение, все-таки умирает. Тадибей в этом не виноват, потому что, значит, сами боги захотели смерти больного.

Так как тадебции могут быть видимы, по крайней мере, для тадибеев, то самоеды делают их изображения, называемые хегами. Эти хеги, или идолы, иногда имеют подобие человека; но в большинстве случаев представляют собою куски дерева или камни, заостренные внизу и срезанные косо вверху, где делается грубое изображение глаз, носа и рта. Бывают хеги домашние; их наряжают в суконные и оленьи одежды и хранят в особенных санках. Им не поклоняются, но в известных случаях приносят жертву, состоящую в том, что им обмазывают рты свежей оленьей кровью. Кроме домашних, есть еще хеги общие, стоящие в особых, всем известных местах. Такие хеги до сих пор существуют в некоторых местах тундры и на острове Вайгаче. Часто хегами служат

простые камни и скалы, имеющие некоторое подобие человеческой фигуры. Кроме того, самоеды ставили деревянных богов без одежды, которых называют с я д а я м и.

Самоедские идолы.

Уже упоминаемому нами путешественнику пришлось видеть на острове Вайгаче главную самоедскую святыню.

„Я уговорил самоедов, — рассказывает он, — чтобы те свозили меня в горы и показали свою главную святыню. Самоеды

долго не соглашались, но в конце концов уступили моим просьбам и поехали. Нечего и говорить, что путь наш был очень труден; он шел по совершенно голым каменистым утесам или через страшные овраги и речки, забитые снегом... Не доезжая версты три до главной святыни, мы остановились, так сказать, у преддверия самоедской Мекки. Я опрометью

бросился осматривать эти интересные места и наткнулся между двух скал на огромную грудку идолов. Она была так велика, что если бы потребовалось перевезти ее на другое место, пришлось бы положить на 30—40 возов. Кругом божеств, в особенности с западной стороны лежало множество оленьих черепов с рогами и черепов белого медведя. За несколько шагов от них попадались огромные кучи топоров, ножей, цепей, обломков якорей, очевидно, взятых с судов, потерпевших аварии, гарпунов, обломков от ружей и замков, пуль и проч., и проч. Сюда самоеды едут за тысячи верст, чтобы здесь, у подножия жилища властелина полярных пустынь, удавить оленя и кровью его окропить святыню. Очень многие наивно думают, что самоеды теперь уже этого не делают; но они жестоко ошибаются; самоеды так же чтут своих хегов и сядеев (сядаев), как и в былое далекое время. Свидетельством этому служат глаза, уши и губы только что убитых оленей и кровь, только что засохшая на некоторых богах. Шагах в

двадцати валялись три оленьих желудка и недавно погасшие священные костры^(*)).

Когда путешественник захотел взять несколько идолов и разных других предметов, служивших жертвоприношениями, проводник-самоед долго отговаривал его не трогать ничего и не гневить страшных богов. Но потом, после долгих уговариваний, когда путешественник пообещался взамен взятых вещей пожертвовать богам целую кучу порожних флаконов из-под красок, битый стакан и серебрянный гривенник, самоед позволил ему взять идолов и согласился везти их на своих оленях.

После того самоед сказал, что это еще не главная святыня. „Главная вон на той горе, за речкой, около трех верст отсюда“.

„Мы направились туда. Еще задолго до места стали встречаться груды топоров, ножей и прочее. Самые идолы лежали на двух высоких огромных известняковых столбах. Столбы эти от горы отделялись расщелиной, шириной в сажень, и на них можно было

*) А. Борисов. Художественная экскурсия по Большеземельской тундре и на остров Вайгач.

попасть только благодаря тому, что над этой страшной расщелиной образовалось из камней что-то вроде арки. Здесь божеств и костей было меньше, и это меня поразило. Но самоед мне пояснил, что здесь домашних оленей давить нельзя. Здесь дом бога, и сюда можно приносить только голову ошкуя (белого медведя), да голову „дикаря“ (дикого оленя). „А с тех пор, как много стало людей на Вайгаче, дикари, перевелись—ну, значит, и ходить сюда нельзя. А там, где мы были раньше, можно давить и домашнего оленя“.

„Что внушило самоедам обоготворить это место?“ — задает вопрос тот же путешественник и отвечает на него так: — „Вероятно, причудливые формы грота, отвесных скал, вертикальные столбы, весь этот волшебный каменный лабиринт! Самоеды привыкли к ровным обширным пространствам тундры, и место это могло показаться им чем-то сверхъестественным и невероятным!“.

Старинные языческие верования особенно сохранились среди тех самоедов, которые кочуют в глубине тундры, далеко от русских поселений. Эти самоеды только по имени считаются христианами. Они, как говорит

наш известный писатель С. В. Максимов, „носят крест, чтобы показывать начальству, а за пазухой, на всякий случай, держат деревянные чурочки богов“. При кочевом образе жизни самоеды не могут соблюдать всех обрядов православной церкви. Так как священника они видят редко, то, естественно, не могут ни своевременно окрестить ребенка, ни похоронить покойника по православному обряду. Случается даже, что родители забывают имя, данное их ребенку при крещении. Например, рассказывают, что один самоедский мальчик долго назывался Степаном, пока, наконец, священник не разъяснил родителям, что сына их зовут не Степаном, а Никитой.

Свадьбу самоеды справляют сначала по старинным обычаям, и только впоследствии, когда случай приведет в церковь, венчаются у алтаря.

Невесту себе самоед покупает у ее отца. Он платит за нее оленями и дорогими мехами, больше или меньше, смотря по состоянию жениха и невесты. За невестой в свою очередь, дается приданое, состоящее также из оленей, затем из саней и чума. Самая свадьба происходит так. Родные жениха и невесты

и гости собираются в невестин чум. Начинается угощение; пьют водку и едят сырую оленину. Иногда поются песни, но некрасиво, в нос. Содержание этих песен берется из самой обыкновенной жизни. Поют, например, о том кто сколько выпил вина, или о том, как кто-нибудь съел за один раз семь сырых рыб. Или запоет самоед, как он запряг четырех белых оленей в ряд и поехал в соседний чум и увидел там такую красавицу-самоедку, что „сердце пришлось ему к горлу, и он ум потерял“.

После пиршества невесту сажают в сани покрывают ее одеялом из разноцветных сукон и как можно скорее обвозят сперва вокруг чума ее отца, а потом три раза вокруг женихова чума. А кругом стоят родственницы жениха и гости и приветствуют ее радостными криками. Потом мать жениха подводит к нему невесту, и, по самоедскому обычаю, она уже становится его женой. Этим и кончается вся свадебная церемония.

Если в чуме умрет кто-нибудь из самоедов, то чум ломают в том месте, против которого лежит покойник, и через сделанное отверстие

выносят его. Умершего одевают в одежды, которые он носил при жизни, и завертывают в оленью шкуру. О смерти его дают знать родным и ждут хоронить день или два. Когда соберутся родственники, покойника кладут в сани, запряженные его любимыми оленями, и везут в такое место тундры, где похоронены его близкие. В могилу к мужчине кладут топор, нож, ружье, сани и другие вещи, которыми он пользовался при жизни. К женщине кладут чашку, котел, иголку, наперсток и разные другие хозяйственные вещи. Все эти вещи ломают, в знак того, что на том свете они будут употребляться в другом виде, чем здесь. Покойника кладут немного на бок, глазами на запад, и тем как бы хотят показать, что „жизнь человека исчезает за могилой, как солнце за небосклоном“. Над могилой убивают оленя; мясо его отчасти тут же съедают, часть увозят с собой. На могиле же оставляют только голову с рогами.

Лет 50 тому назад у самоедов был обычай хоронить покойников, не зарывая их. Их клали в деревянные ящики, прикрывали санями и оставляли так в тундре. Такие

могилы с санями можно изредка встретить и теперь в некоторых местах тундры.

V.

Если бы человека, непривычного к тундре, заставили поселиться в ней, он наверно не знал бы даже, как устроить ему здесь свою жизнь, он стосковался бы, он не мог бы тут жить. Но самоеды так свыклись с своей тундрой и со своими оленями, что неохотно меняют кочевую жизнь оленеводов на какую-либо иную жизнь. Самоед, если он имеет достаточно оленей, вполне доволен своей судьбой; он не заботится о завтрашнем дне и не знает тяжелого труда нашего крестьянина. Но если он потеряет своих оленей, тогда он становится нищим и совершенно беспомощным человеком. У него ничего больше нет; и ни к чему он белее не привык, как к занятию оленеводством. Такой бедняк идет к богатому самоеду или зырянину, у которого есть олени, и нанимается в пастухи, чтобы только быть вместе с оленями, чтобы жить в чуме, чтобы жить тою жизнью, к которой он так привык.

Несколько ярких примеров тому, до какой степени свyksа самоед с оленями и до чего привязан к ним, приводит один путешественник, проезжавший, по тундре в 1892 году.

„Однажды,—говорит он,—я разговорился с одним самоедом, который был когда-то богатым и сразу в 1887 году потерял 4.000 голов оленей. Теперь он служил простым рабочим у русского. Когда речь зашла об оленях, он только махнул рукой, отвернулся и ушел. Другой самоед, рассказывая мне, как у него в том же 1887 г. пало множество оленей, не выдержал и разрыдался“.

Вот еще случай, рассказываемый тем же путешественником „Темной ночью 10 сент. мы стояли чумом на тундре, верстах в пяти к югу от реки Волонги, где самоеды ловили рыбу. Вдруг собаки наши тревожно залаяли, заметив какую-то фигуру, приближающуюся с севера. Оказалось, к нам шел с Волонги безоленный самоед Соболев, с единственной целью побывать вместе с оленями, по которым он страшно соскучился. И для этого он нисколько не затруднился пройти темной

ночью пешком пять верст по трудно проходимой болотистой тундре“*).

Между тем последнее время много стало таких безоленных самоедов, которые, потеряв свое единственное богатство, своих кормильцев оленей, должны или жить в пастухах или просить милостыню. Много оленей у самоедов гибнет от сибирской язвы. Но, кроме того, несчастным самоедам часто плохо приходится от их соседей, и от русских, и еще более от зырян. Русские и зырянские купцы пользовались простотой самоедов и обманывали их. Несмотря на то, что законом было строго запрещено ввозить в тундру спиртные напитки, они провозили туда водку и спаивали самоедов. Прием у них довольно простой. Раздразнив аппетит сначала даровым угощением, они предлагают следующую бутылку купить, а так как у самоеда денег почти не водится, он отдает за бутылку водки дорогой мех, добытый им с большим трудом, те же купцы привозили им разные другие товары, напр., хлеб, сахар, чай, табак, и все это также шло в обмен

*) Г. И. Танфильев. По тундрам Тиманских самоедов летом 1892 г. „Известия И. Русск. Геогр. Общ.“ 1894 г., вып. I,

за меха, которые таким способом достаются торговцу в несколько раз дешевле их настоящей стоимости. Но не довольствуясь этим, торговцы навязывали самоедам еще в долг и то, в чем им нет особенной надобности, напр., лакомства, наряды и т. д. Они знали, что самоеды честны и что за ними ничто не пропадет. И вот самоеды постепенно попадали в неоплатные долги у купцов, за которые выплачивают им и мехами, и рыбой, и, наконец, своими оленями.

Теперь в тундре появились и русские и зыряне, владеющие большими стадами оленей. Сами они не привыкли заниматься оленеводством и нанимают к себе в пастухи самоедов, которые и кочуют по тундре с чужими оленями.

Важно еще то, что ягель, или олений мох, которым питаются олени, растет очень медленно. Там, где он выеден оленями и вытоптан, он нарастает снова до своей нормальной высоты (вершка $2-2\frac{1}{2}$) приблизительно через 25 лет. Самоеды, зная это, берегут свою тундру. Летом они стараются держаться в болотистых лугах, а места, покрытые ягелем, оставляют на зиму, когда

ягель бывает единственной пищей оленей. Зыряне же нисколько не думают о том, чтобы беречь тундру. Их имущество заключается не в одних оленях, и оленеводством они занимаются только ради выгоды, а не потому, чтобы любили это занятие, как самоеды. Правда у них оленеводство идет лучше и прибыльнее, чем у самоедов. Но они не жалеют, вытаптывают тундру и истребляют ягель; они стесняют самоедов, отчего у самоедов оленеводство все падает и падает.

Это обеднение самоедов и стеснение их зырянами началось уже давно. Еще лет шестьдесят тому назад один писатель, изучивший быт самоедов, указывал на их крайне бедственное положение. „В последние пять лет, — говорит он, —нескольким путешественникам пришлось посетить далекий наш север, и именно ту часть, в которой кочуют самоеды. У всякого был свой предмет для наблюдения: кто, посреди скудной растительности, делал исследования, обогатившие северную флору; кто, по расположению слоев минералов, заключал о давних переворотах в недрах земли, или, с помощью звезды путеводной, следил за правильным

течением вод и положением гор по моховой той пустыне; кто, наконец, подмечая звуки тех племен, сравнивал их с своими родными и открывал в них много сходного, находил новые материалы для лингвистики*) и истории народов, разбросанных по обширному северу; но никто из них, даже среди самых увлекательных занятий и наблюдений, не мог не заметить бедности и унижения народа, которым был окружен; не мог не внять жалобам его на притеснения в течение более полустолетия другим, сильнейшим племенем“.

„Желаю,—говорит он дальше,—чтобы описание мое возбудило хотя малое участие к горсти людей, которые подлинно достойны этого по жалкому своему положению“**).

То, что было сказано о самоедах 60 лет тому назад, можно сказать о них и теперь. Большинство самоедов находятся в постоянной кабале у зырянских и русских купцов, и им трудно освободиться от этой кабалы. Они сами нуждаются в купцах, чтобы сбывать им разные продукты своих промыслов.

*) Лингвистика -- наука, занимающаяся сравнительным изучением разных языков.

**) Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту.

Самоеды слишком уж просты, мало в них предприимчивости и опытности в торговых делах. Они привыкли работать на „хозяев“, а не на себя. Самоед не решается сам везти продавать свой товар на ярмарку: он рад, хотя бы и дешевле, продать его на месте купцу. А потом он часто нанимается к тому же купцу, чтобы отвозить этот товар туда, куда сам по себе ехать не решался. У самоедов есть на реках свои места рыбной ловли. И вот они продают свое место русскому за бесценок, часто только за хлеб и водку, а потом сами же в качестве работников ловят для него рыбу.

Потому-то самоеды и живут в такой бедности и унижении. Оленеводство, рыбная ловля, охота и морские звериные промыслы могли бы давать самоеду немало дохода, Но, благодаря самоедской простоте и неумению вести свои дела, все это уходит от них в чужие руки.

Некоторые самоеды оставили совсем кочевую жизнь и стали жить оседло. Они имеют лошадей, коров, овец и, где получше почва, сеют ячмень.

Область занимаемая самоедами в Архангельской губернии, делится на три земли или тундры: Большая земля, или Боль-

шеземельская тундра—по правую сторону Печоры и до Уральских гор; Малая, или Тиманская земля (тундра),—по левую сторону Печоры, и Канинская земля (тундра), занимающая полуостров Канин. По месту же приписки для уплаты ясака (податей) все самоеды разделялись на пустозерских, устьцыльменских, и жемянских и мезенских*), Кроме того, самоеды живут на островах Ледовитого океана: Вайгаче, Колгуеве и Новой Земле, а также по ту сторону Уральских гор, в Сибири.

В своих внутренних делах самоеды управляются по своим обычаям и собственными старшинами, которые выбираются ими по одному на каждую тундру. По общим русским законам они судились только за самые тяжкие преступления.

Всех самоедов в Европейской России считают около 7000 человек**). Из них около 1500 оседлых. Все же прочие—кочевники; они все

*) Мезень и Пустозерск—города в Архангельской губернии. Последний, впрочем, носит только название городка, тогда как состоит всего лишь из десятка домов и церкви. Усть-Цыльма и Ижма—богатые зырянские села.

**) А. П. Энгельгардт. Русский Север.

так же кочуют по своей тундре, как кочевали их предки много-много лет тому назад.

Давно, неизвестно даже когда, пришли они сюда на крайний север России из других, более теплых стран. Они приручили оленя и с его помощью сделали возможной жизнь в этой холодной пустыне. Надо думать, трудно им было сначала привыкать к жизни в тундре; но постепенно, с течением веков, они свыклись с ней. Тундра окружает самоеда с самого раннего его детства, и притом одна только тундра. Она стала дорога для него, как каждому человеку его родина.

Большинство самоедов и не стремится к иной жизни и не добивается иного богатства, кроме оленей. Они хотят только одного, чтобы им оставили их тундру, чтобы не вытаптывали их ягель, чтобы не отнимали у них оленей, чтобы только не мешали им жить, как они привыкли жить. И бедный, безоленный самоед часто всю жизнь мечтает о том счастливом времени, когда будут у него опять олени, и будет он снова кочевать по своей широкой, беспредельной тундре, всю прелесть и поэзию которой может понять только он один—самоед.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ПЕТРОГРАД.

Продолжение серии „Наука для всех“

ФИЗИКА И ХИМИЯ.

- * Конобеевский С. Т. Как плавают в воде и как летают в воздухе. Ц. 3 к.
- * Тимирязев А. К. Что такое физика и чему она учит. Ц. 1 к.
- * Албычев П. В. Радуга (подг. к печ.).
- Жирков И. Ф. Беседы об окружающих явлениях. Воздух и вода (подг. к печ.).
- * Конобеевский С. Т. Электрическая лампочка (подг. к печ.).

Серия «НАЧАТКИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ».

Состоит из книжек, предназначенных для школьников от 13 до 16 лет и для взрослого читателя, знакомого с элементами естествознания.

АСТРОНОМИЯ.

- * Михайлов А. А. О солнечных затмениях. Ц. 3 к.
- Фламмарин К. Общедоступная астрономия. Ц. 80 к.
- Ройтман Д. Общедоступные очерки в области астрономии, 2-я ч. (печ.).

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

- * Беркова К. Н. Сущность жизни, ее происхождение и развитие (2-е издание) Ц. 20 к.
- Вагнер Ю. Рассказы о животных. Ц. 20 к.
- Его же. Рассказы о том, как живут и работают растения. Ц. 20 к.
- Его же. Рассказы о том как работает человеческое тело. Ц. 20 к.
- * Завадовский Б. М. О загадке болезней. Ц. 30 к.
- Кайгородов Д. Пернатые хищники. Ц. 40 к.
- Его же. Из царства пернатых. Ц. 1 р. 25 к.
- Пименова Э. Море и обитатели. Ц. 1 р. 20 к.
- Порецкий С. Друзья растений. Ц. 30 к.
- Его же. Растение и свет. Ц. 30 к.
- Морозов Г. Ф. Лес как растительное сообщество. Ц. 15 к.
- Вольногорский П. Сборник статей. Ц. 1 р. 80 к.
- Говард В. Комнатная муха (печ.).
- Дьяченко С. Е. О пчелах и продуктах, доставляемых ими (печ.).
- Елачич Е. О душевной деятельности животных (2-е изд.).
- * Жадовский Б. Э. Интересная находка. Страничка из эволюционного учения (печ.).
- Порецкий С. Хищные растения (печ.).
- Его же. Дары моря. Ц. 20 к.
- Его же. Воздушные путешественники (печ.).
- Его же. Зеленый мир (печ. 2-е изд.).
- Фабр А. Жизнь насекомых (печ.).

17. 145.8. 30/10.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА—ПЕТРОГРАД.

- Шмидт П. Ю. Прививка жизни (печ.).
* Алексеев Ю. О происхождении животных и человека (подг. к печ. 2 изд.).
Гремяцкий М. А. Человек—машина (подг. к печ.).
* Гюнтер Г. Чудеса нашего тела (подг. к печ.).
* Дубовик И. А. Рассказ о растительной и живой клетке (подг. к печ.).
* Его же. Пищеварение (подг. к печ.).
* Никитинский Я. Я. стакан воды (подг. к печ. 2-е изд.).
Пименова Э. К. Мир животных (подг. к печ.).

ГЕОЛОГИЯ, ПАЛЕОНТОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ.

- * Брэм А. Жизнь на севере и юге. Ц. 2 р.
Вагнер Ю. Рассказы о воде. Ц. 20 к.
Его же. Рассказы о земле. Ц. 20 к.
Гейки А. Физическая география. Ц. 35 к.
Его же. Геология. Ц. 35 к.
Гербертсон. Земля и труд человека. Ц. 40 к.
Нечаев А. П. Почва и ее история. Ц. 25 к.
Его же. Между огнем и льдом. Ц. 1 р. 30 к.
Реклю. Ручей и его история.
* Шульга-Нестеренко М. И. Снег и лед в жизни земли. Ц. 40 к.
* Жадовский Б. Э. Русская Сахара (печ. 2-е изд.).
Лебазейль. Чудеса полярного мира (печ.).
Львов В. Н. Новая земля (печ.).
Нечаев А. П. В царстве воды и ветра (печ.).
Его же. Работа ветра (печ.).
Его же. Работа моря (печ.).
Пименова Э. Горы и их победители (печ. 2-е изд.).
Нечаев А. П. Из подземного мира (подг. к печ.).
Его же. Картины родины (подг. к печ.).
Его же. Работа подземных сил (подг. к печ.).
Его же. Овраги и их жизнь (подг. к печ.).
Павлова Н. Б. Ископаемые слоны (подг. к печ. 2-е изд.).
* Шульга-Нестеренко. Вулканы и землетрясения (подг. к печ.).

ФИЗИКА И ХИМИЯ.

- Вагнер Ю. Рассказы о воздухе. Ц. 20 к.
Роско Е. Химия. Ц. 40 к.
Фарадей М. История свечи (печ.).
* Албычев П. В. Физика в рассказах, в 3-х выпусках (подг. к печ.).

Все цены указаны в червонцах.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

МОСКВА: Ильинка, Биржевая площадь, Богоявленский, 4.
Телефон 47-35.

ПЕТРОГРАД: Проспект 25-го Октября (б. Невский), 28.
Телефон 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Вологда, Площадь Свободы; Воронеж, Проспект Революции, 1-й д. Совета; Казань, Гостинодворская, Гостинный Двор; Киев, Крещатник, 38; Кострома, Советская, 11; Краснодар, Красная, 33; Нижний-Новгород, Большая Покровка, 12; Одесса, ул. Лассаля, 12; Пенза, Интернациональная, 39/43; Пятигорск, Советский пр., 48; Ростов-на-Дону, ул. Фридриха Энгельса, 106; Саратов, ул. Республики, 42; Тамбов, Коммунальная, 14; Тифлис, Проспект Руставели, 16; Харьков, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ:

МОСКВА: 1) Советская пл., под гост. «Дрезден», Тел. 1-28-94, 2) Моховая ул., 17, Тел. 1-31-50; 3) Ул. Герцена (Б. Никитская) 13 (зд. Консерватории). Тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., 3. Тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43. Тел. 2-84-82; 6) Кузнецкий мост, 12. Тел. 1-01-35; 7) Лялин переулок, 11. Тел. 81-94; 8) М. Харитоньевский пер., 4; 9) Ильинка Богоявленский пер., 4.

ПЕТРОГРАД: 1) Проспект 25-го Октября (б. Невский), 28
2) Ул. Володарского (б. Литейный пр.), 21;
3) Проспект 25-го Октября (б. Невский), 13.

Все новости о книгах—в бюллетенях Торгсектора.

Очередной номер бюллетеня Торгсектора высылается по получении 10 коп. почтовыми марками.

6212

145.8.30 <10 2-11-20

ГПБ Русский фонд.

17.145.8.30-10/
2